

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ «СВИСТКА» ВО ДНИ ЕГО ВРЕМЕННОГО НЕСУЩЕСТВОВАНИЯ

«Свисток» дожидался только выезда уполномоченных из Цюриха, чтобы опять раздаться в русской литературе. Теперь объявлено, что они в октябре выедут, и если они, по свойственной дипломатам правдивости, сдержат слово, то «Свисток» надеется уже безраздельно завладеть вниманием публики. В летние месяцы ему было неловко являться, потому что общее любопытство было привлечено итальянской войной¹, и в начале июля, поощренные примером «Русского дневника»², редакторы «Свистка» даже послали было в «Современник» такое объявление:

«В настоящее время, когда все внимание публики обращено на политические события, совершающиеся на Западе, для «Свистка», неспособного заниматься политикою — иначе как в шутку, прекратилась возможность рассчитывать на увеличение ограниченного числа своих поклонников; вследствие чего «Свисток» вынужденным находится прекратить свой свист.

Хотя «Свисток» был при «Современнике» не что иное, как «с боку припёка», по глубоко верному выражению нашего умного народа, тем не менее редакция «Современника» должна счесть личною своею обязанностью дать своим подписчикам удовлетворение за австрийско-французскую войну, лишившую их русского «Свистка». Но так как известно и многократно было опубликовано, что редакция «Современника» не имеет достаточно остроумия для подобного удовлетворения, то она и должна вознаградить публику за «Свисток» приложением к своему журналу статей о новых памятниках древневавилонской письменности,

для которых редакция уже имеет достаточный запас материалов в статьях г. Хвольсона»³.

Объявление это было готово в тот самый день, когда появилось объявление о прекращении «Русского дневника». Но — «к несчастью иль счастью» — Современник ныне всегда запаздывает⁴ (в чем стараются по возможности подражать ему и другие журналы). Следствием такого обстоятельства было то, что объявление наше на несколько дней задержалось, а тут вдруг — ни с того, ни с сего — пришло известие о мире, и наши резоны сделались совершенно неуместными.

51

Тогда мы получили надежду, что скоро придет и наш черед; но — увы! — горько ошиблись! Русская публика, из подражания французам, продолжала и по окончании войны читать и толковать об Италии, так что мы пикнуть не смели, не только свиснуть о наших домашних вопросах. Это бесило нас, и мы даже сочинили было филиппику против увлечения иностранными вопросами. Филиппика была очень грозна. В ней напоминали мы русским читателям слова г. Погодина⁵, что стыдно нам заниматься европейскими мелочными дрызгами, когда у нас — и у нас одних только в настоящее время — поднято столько мировых вопросов. Мы перечисляли даже некоторые из этих вопросов, как например: «зачем в летний зной, по свидетельству Н. Ф. Павлова, московские улицы посыпаются песком?»⁶ Зачем доктор Рклицкий, по мнению некоторых, расхвален в Современнике?⁷ Зачем г. Вышнеградский⁸ перестал объявлять в газетах о собственном бескорыстии? Зачем «Наука жизни» г. Дыммана⁹ не вводится как

обязательный предмет во всех учебных заведениях, по крайней мере в тех, в которых не преподается греческий язык?» и т. д. Сделав подробное перечисление наших родных вопросов, мы взглядывали и на итальянский вопрос с русской точки зрения и приходили к такому заключению: что нам за дело до Италии? Взойдет ли к нам на двор белая корова в случае восстановления герцогов или присоединения герцогств к Пьемонту?¹⁰ Что нам мешаться в чужие дела? Давно уже замечено, что «Italia farà da se»¹¹ — Италия и без нас проживет, — плюньте на Италию: Италия есть географический термин¹², не более, по глубокомысленному замечанию австрийского государственного мужа. Да и в географии — то она совершенно ничтожна: по основательному соображению г. Шевырева¹³, если бы с Альп спустить на Италию нашу Волгу — всю бы затопило!! Стоит ли ж после всего этого заниматься такой ничтожностью? Сравните — ко наше — то положение: у нас Волга не только ничего не затопила, но и сама — то вся засорилась и пересохла!

Мы убеждены, что наши соображения, явно рассчитанные на патриотизм, успели бы образумить русскую публику. Но в этом году злой рок судил нам вечно опаздывать: когда мы изготовили свою филиппику, оказалась, что во всех книжных и эстампных магазинах Петербурга портреты Гарибальди заменены уже портретами Шамиля!¹⁴ К этому мы были совершенно не приготовлены! Между тем в публике проявился такой энтузиазм к Шамилю, какого не бывало со времени посещения России г-м Дюма¹⁵. Мы опять было принялись за увещания и хотели доказать, что Шамиль, как и Дюма, теперь уже неинтересен, что —

Он изнемог, он слишком стар¹⁶:
Труды и годы угасили
В нем прежний деятельный жар, —

что притом же борода у него — рыжая, что уж вовсе не соответствует нашему идеалу прекрасного черкеса, что, следовательно, он — просто внимания не стоит. Но тут уж мы сами почувствовали, что подобная попытка была немножко дерзка и не повела бы ни к чему хорошему. Притом же мы были совершенно озадачены г. Гаряиновым¹⁷, который в «Северной пчеле» доказал, что мы ходим смотреть на Шамиля вовсе не с тем чувством, как на г. Дюма, что мы все одушевлены теперь не простым любопытством, а самым

52

патриотическим желанием — повесить и растерзать в клочки ужасного иностранца, с которым обходятся так несправедливо, т. е. прилично и гуманно. Против такого воззрения на Шамиля, с русской точки, мы уже ничего не могли возразить и сочли за лучшее продлить свое молчание еще на некоторое время.

Но теперь — о, какие благоприятные для нас обстоятельства!... Шамиль уехал в Калугу¹⁸, уполномоченные тоже, вероятно, уехали из Цюриха, сама Москва — хотя и никуда еще не уехала (потому что по железной дороге ей можно покамест ехать только на Петербург, на что она ни под каким видом не решится), — но все-таки Москва занята теперь недавними банкротствами достойных сынов ее¹⁹, следовательно и она мешать нам не может... Начнем же снова насвистывать со свойственными нам беспечностью

и благодушием, тем более, что г. Конрад Лилиеншвагер, много нам вредивший своими выходками, теперь исправился, как сейчас убедятся читатели. Его стихотворением мы нарочно начинаем нынешний «Свисток».